

РЕШЕНИЕ

Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по дисциплинарному производству № в отношении адвоката Б.

12.02.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президента АП СПб Саськова К.Ю., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Папинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Семеняко М.Е., Чангли А.И. (участвовали очно), члена Совета Морозова М.А. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 12.02.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката **Б.** (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 04.06.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Б. послужила жалоба А.А.А., поступившая в АП СПб 02.06.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 04.06.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 18.12.2025 адвокатом Б. допущено нарушение взаимосвязанных требований:

- п. 2 ст. 5 КПЭА: *«Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.»;*

- подп. 4 и 10 п. 1 ст. 9 КПЭА: *«Адвокат не вправе:*

4) разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц;

10) оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного статьей 11 настоящего Кодекса.»;

- Разъяснения № 02/19 Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам об осуществлении адвокатом деятельности эскроу-агента (утв. решением Совета ФПА РФ от 17.04.2019, протокол № 7)¹: *«Адвокат должен соблюдать специальные положения об условиях оказания юридической помощи при конфликте интересов доверителей, в частности, при представлении лиц с различными интересами, а равно при потенциальной возможности конфликта интересов доверителей (подп. 10 п. 1 ст. 9, ст. 11 Кодекса).».*

¹ Опубликовано на сайте ФПА РФ // URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/interpretation-no-02-19/>

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства извещены о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 12.02.2026 надлежащим образом.

Заявитель А.А.А. на заседание не явилась, представителя не направила, об отложении слушания дела не ходатайствовала.

Адвокат Б. на заседание явилась, сообщила об отсутствии возражений относительно заключения Квалифкомиссии, но отметила, что разглашения сведений, составляющих адвокатскую тайну, она не допускала; поддержала свои прежние доводы, ответила на вопросы членов Совета; в частности, объяснила произошедшее недостаточным знанием дисциплинарной практики, выразила сожаление о случившемся.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

Квалифкомиссия установила, что М.Д.Н. обратился к адвокату Б. за оказанием юридической помощи по двум вопросам, связанным с квартирой, расположенной по адресу:. Первый вопрос касался взыскания с застройщика ООО «Нордсервис» компенсации за устранение недостатков, неустойки, морального вреда; второй – взыскания денежных средств за некачественный ремонт по договору подряда от 24.09.2020 № с ИП В.В.Д.

29.07.2021 между М.Д.Н. и адвокатом Б. было заключено соглашение на оказание юридической помощи № , согласно которому адвокат обязалась представлять интересы М.Д.Н. в суде по взысканию с ИП В.В.Д. денежных средств по договору подряда № от 24.09.2020.

16.08.2021 между адвокатом Б. и А.А.А. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № , согласно которому адвокат Б. обязалась представлять интересы А.А.А. в суде по взысканию денежных средств на устранение недостатков, неустойки, компенсации морального вреда с ООО «Нордсервис».

Адвокат Б. принимала участие в судебных заседаниях по указанному делу до вынесения 01.12.2022 решения суда об удовлетворении исковых требований, затем по просьбе доверителя А.А.А. получила исполнительный лист.

Для обсуждения возникающих по судебным делам вопросов М.Д.Н. в мессенджере Telegram была создана группа, в которую входил сам М.Д.Н., адвокат Б. и А.А.А.

14.03.2025 между М.Д.Н. и адвокатом Б. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, согласно которому адвокат приняла поручение на представление интересов М.Д.Н. по спору с А.А.А. о разделе совместного имущества супругов.

В ходе исполнения поручения адвокатом Б. было подготовлено встречное исковое заявление, которое было принято судом к рассмотрению; ходатайство о содействии суда в истребовании доказательств (сведений о счетах А.А.А.); также адвокат Б. приняла участие в судебных заседаниях по делу 09.04.2025 и 28.05.2025.

27.06.2025 адвокат Б. обратилась в АП СПб с запросом по вопросу о возможности представлять интересы доверителя в ситуации возможного конфликта интересов между

доверителем и бывшим доверителем.

На запрос адвоката Б. Советом АП СПб был дан ответ, в котором, в частности, указано следующее. Из взаимосвязанных положений п. 4 ст. 4 и п. 3 ст. 18 КПЭА следует, что Советом адвокатской палаты разъяснения могут быть даны только относительно последующих действий адвоката, а не ретроспективно, и, поскольку на дату направления запроса в отношении адвоката Б. уже было возбуждено дисциплинарное производство, разъяснения в порядке подп. 19 п. 3 ст. 31 Закона об адвокатуре даны быть не могут.

01.07.2025 после ознакомления с жалобой А.А.А. адвокатом Б. было принято решение расторгнуть соглашение с М.Д.Н.

1. Относительно вопроса о наличии у заявителя статуса доверителя адвоката и, как следствие, носителя адвокатской тайны.

Разрешая дисциплинарный спор в данной части, Квалифкомиссия обоснованно сослалась на положения ст. 6.1 КПЭА, согласно которым под доверителем понимается, в частности, лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи.

Из материалов дисциплинарного производства однозначно следует, что соглашение об оказании юридической помощи, заключённое адвокатом Б. с А.А.А., предполагало представление в суде интересов именно А.А.А., а не иного лица; поэтому именно А.А.А. приобрела статус доверителя по такому соглашению.

Довод адвоката Б. о том, что в действительности за оказанием юридической помощи по спору с участием А.А.А. обратился её супруг, М.Д.Н., а соглашение об оказании юридической помощи с А.А.А. было заключено по формальным причинам, был правомерно отклонён Квалифкомиссией, поскольку значение для рассмотрения настоящего дисциплинарного дела имеют факты заключения соглашения с конкретным доверителем и получение соответствующих сведений, составляющих адвокатскую тайну, а не факт обращения к адвокату с запросом о возможности оказать правовую помощь.

2. Относительно доводов жалобы о наличии в действиях адвоката Б. состава дисциплинарного нарушения, выразившегося в представлении интересов доверителя в ситуации конфликта интересов.

Разрешая дисциплинарный спор в данной части, Квалифкомиссия обоснованно сослалась на положения подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА, в соответствии с которыми адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного статьёй 11 настоящего Кодекса. В свою очередь, п. 1 ст. 11 прямо запрещает адвокату быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон.

Совет АП СПб полностью разделяет следующие выводы Квалифкомиссии.

Смысл и содержание данных профессионально-этических норм подлежат системному толкованию и, в частности, допускают применение к отношениям, складывающимся между адвокатом и его бывшим доверителем после прекращения (расторжения, окончания) действия соглашения об оказании правовой помощи. В пользу такого толкования свидетельствует и содержание п. 2 ст. 6 КПЭА, в соответствии с которым срок хранения адвокатской тайны не ограничен во времени и не привязан к сроку

действия соглашения.

Уже сам факт наличия у адвоката сведений, полученных от его бывшего доверителя в рамках исполнения соглашения, может быть достаточным основанием для вывода о наличии потенциального конфликта интересов для потенциального конфликта интересов с новым доверителем, выступающим в качестве процессуального оппонента по отношению к доверителю бывшему. В данном случае адвокат сталкивается с неразрешимым функциональным противоречием между обязанностью хранить адвокатскую тайну (по отношению к прежнему доверителю) и обязанностью всеми не запрещёнными законом средствами защищать права нового доверителя.

При этом бывший доверитель осознает факт обладания адвокатом такой информацией и вправе ожидать, что она может стать потенциальным инструментом давления на такого доверителя, источником постоянных опасений разглашения адвокатом этой информации. Это может существенно ослабить волю бывшего доверителя защищать свою позицию. Если же адвокат не будет использовать имеющуюся у него информацию (что само по себе что практически исключено), то он нарушит свои обязательства перед обратившимся лицом – честно и добросовестно защищать его интересы, поскольку в этом случае адвокат не будет использовать все свои возможности для защиты интересов доверителя.

Всё вышеизложенное, очевидно, применимо к положению, в котором доверителем адвоката выступает физическое лицо, поскольку в этом случае между адвокатом и доверителем формируются не только профессионально-юридические отношения, но и устойчивая психологическая связь. Данное обстоятельство (психологический критерий) создает гипотетическую угрозу использования адвокатом любых сведений о своём бывшем доверителе (включая сведения о его темпераменте, привычках, эмоциональной устойчивости, совершённых им ранее и не одобряемых в обществе проступках и т. п.) во вред последнему. Поскольку такая гипотетическая угроза сохраняется всегда и не ограничена во времени, в случае выступления адвоката против своего бывшего доверителя-гражданина угроза конфликта интересов также будет присутствовать по определению.

В основу профессионально-этического требования к адвокату о недопущении конфликта интересов, очевидно, положен один из базовых, фундаментальных принципов адвокатской профессии – доверие.

Совет АП СПб отмечает, что в доверии между адвокатом и клиентом отражается не только правовая природа отношений адвоката с обращающимися к нему лицами, но и нравственная сторона адвокатской деятельности, её направленность на обеспечение прав человека и гражданина.

Со времени образования адвокатуры нарушение доверия влекло за собой запрещение практики. Переход на противную сторону считался изменой клиенту. Ещё Плутарх говорил: «Не значит ли это взять два меча из одного склада и выгодно продать их людям, которые намерены перерезать друг другу горло?». Мнение юристов, принятое Юстинианом в пандекты, соединяло с этим преступлением потерю гражданской чести, утрату стыда. А «утраченный стыд не вернётся» (Луций Анней Сенека, римский философ-стоик, поэт и государственный деятель)².

² Стецовский Ю.И. Книга «Адвокатура и государство». М.: «Юристь», 2007 г., стр. 160-161.

В свою очередь правила п. 5 ст. 9 КПЭА предписывают адвокату избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней. Совокупность указанных правил обязывает адвоката дистанцироваться от любого положения, при котором однородные по своей природе правоотношения его доверителей вступают в противоречие. Между тем именно такая ситуация и имеет место в данном дисциплинарном деле, поскольку в обоих делах с участием адвоката разрешался вопрос имущественных требований.

Руководствуясь вышеизложенным, Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией приходит к выводу о наличии в действиях адвоката Б. нарушения п. 2 ст. 5, а также подп. 4 и 10 п. 1 ст. 9 КПЭА, выразившегося в оказании правовой помощи доверителю в условиях конфликта интересов.

Довод адвоката Б. об отсутствии спора между сторонами по поводу раздела вышеуказанной квартиры и, как следствие, об отсутствии конфликта интересов был Квалифкомиссией обоснованно отклонён, поскольку системное толкование взаимосвязанных положений Закона об адвокатуре и КПЭА подразумевает под конфликтом интересов не только прямое противоречие между материальными и процессуальными интересами сторон в конкретном споре, но и ситуацию, при которой сам факт наличия у адвоката сведений, полученных от его бывшего доверителя в рамках исполнения соглашения, при принятии поручения от нового доверителя, выступающего в качестве процессуального оппонента по отношению к доверителю бывшему, образует конфликт интересов.

С учётом изложенного Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией признаёт презумпцию добросовестности адвоката Б. опровергнутой, а её вину в ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей – установленной.

Совет АП СПб полагает необходимым исключить из итоговой квалификации указание на нарушение адвокатом Б. запрета, установленного подп. 4 п. 1 ст. 9 КПЭА, поскольку в ходе дисциплинарного разбирательства не было получено сведений о разглашении адвокатом без согласия доверителя каких-либо сведений, сообщённых им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовании их в своих интересах или в интересах третьих лиц.

Кроме этого, Совет АП СПб считает необходимым исключить ссылку на Разъяснение № 02/19 Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам об осуществлении адвокатом деятельности эскроу-агента, как нерелевантное настоящему дисциплинарному спору.

Вместе с тем Совет АП СПб квалифицирует действия адвоката Б. как нарушение запрета, установленного подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

В остальном приведённые в заключении Квалифкомиссии выводы Совет АП СПб признаёт убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного

производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения. Само заключение Квалифкомиссии Совет АП СПб считает соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату Б. за допущенное нарушение, Совет АП СПб учитывает, что это нарушение совершено ею по грубой неосторожности, что связано с недостаточным пониманием основ адвокатской деятельности, и не признаёт его тяжким, поскольку сведений о наступлении существенных негативных последствий не имеется.

Кроме этого, Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Б. действующих дисциплинарных взысканий, а также её критическое отношение к допущенному проступку и предпринятые адвокатом меры по его прекращению.

С учётом всех указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату Б. меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**, как в наибольшей степени отвечающую требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в действиях адвоката Б. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения требований

подпункта 2 пункта 4 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пункта 2 статьи 5 и подпункта 10 пункта 1 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката

и применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.